

ношения христианства к обществу. Отсюда весьма знаменателен успех идеи сотрудничества христиан и марксистов в усилиях на благо мира и прогресса, т. е. того, что принято ныне называть диалогом.

Заканчиваю свой краткий реферат словами апостола Павла: «Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его» (Рим. 5, 10).

Проф.-прот. ЛИВЕРИЙ ВОРОНОВ (Ленинград)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИМИРЕНИЯ В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВИ

Если не считать кратковременного периода блаженной жизни наших прародителей до их грехопадения, то вся история мира и человечества представляет собой отчасти арену, отчасти активное выражение напряженной борьбы сил добра за восстановление нарушенного грехом богоустановленного течения жизни. Инициатива, решающее участие и победное завершение этой борьбы принадлежат Богу любви и мира (2 Кор. 13, 11), Который есть Альфа и Омега, начало и конец (Откр. 1, 8); однако необходимое деятельное участие в ней принадлежит и человеческой свободе, добровольно отдающей себя на служение Богу, творящему все новое (Откр. 21, 5).

Ради воссоздания мира и человека совершилось и продолжает совершаться домостроительство нашего спасения (Еф. 3, 9). Ради него основана Христова Церковь — Царство благодати и мира. Ради него каждый христианин, воспринявший на себя благо его исполнения заповедей любви, совершает свое служение примирения.

Мир (*εἰρήνη*) — не есть какое-то случайное, хотя и очень важное и весьма желательное состояние космоса, но самое существо космической жизни, ее богоустановленный порядок (1 Кор. 14, 33). Именно поэтому быть миротворцем, «творить мир» — значит, в то же время, с сыновним дерзновением (Мф. 5, 9) участвовать в пересоздающей мир («космос») деятельности нашего Небесного Отца.

* * *

Первозданный человек, созданный по образу Божию и призванный к непрестанному богоуподоблению (Быт. 1, 26), не только обладал высокими совершенствами своей духовной и материальной природы и безупречной нравственной чистотой. Как венец творения и образ Творца и Промыслителя, он получил необходимые способности, силы и благословение Божие на разумную созидательную деятельность по устройению Царства Божия на земле (Быт. 1, 28; 2, 15).

Человек был удостоен почести высшего звания Божия (Флп. 3, 14). Любовь Божия предоставила ему ни с чем несравнимую радость быть деятельным участником, живым инструментом славы Божией.

Понятие «славы Божией» имеет весьма важное место в православном миропонимании и мироощущении, хотя богословски оно выяснено, по-видимому, недостаточно. Самое существенное в этом понятии, как мне кажется, можно выразить следующим образом. Слава Божия — это отражение в сотворенных вещах тех или иных совершенств Божиих. Когда же речь идет о людях, т. е. о существах свободно-разумных и нравственно ответственных, то под славой Божией нужно разуметь победоносное, торжествующее действие любви Божией, «плениющей всякое помысление» (2 Кор. 10, 5) и делающей человека «соратником» Божиим (1 Кор. 3, 9), желанным и необходимым соучастником Бога в достижении Его творческих, промыслительных и спасительных целей, в созидании Царства Божия или мира, высочайшего духовного совершенства и святости. Согласно такому представлению, «прославление» Бога состоит, очевидно, не только в изливающихся от полноты любящего и благодарного сердца нашего славословиях Богу, но — преимущественно — в том, чтобы, будучи «сосудами ведения славы Божией» (явленной) в лице Иисуса Христа» (*σκεῦη τῆς γνῶσεως τῆς δόξης τοῦ Θεοῦ ἐν προσωπῶ Ἰησοῦ χριστοῦ* — 2 Кор. 4, 6—7), действительно представить Богу себя и свои члены (*παραστήσαι ἑαυτοὺς καὶ τὰ μέλη τῶν ὀστέων*) в свободно-действующие «орудия праведности» (*ὄπλα δικαιοσύνης* — Рим. 6, 13), прославляющие Бога чрез выполнение Его воли, непосредственно к нам обращенной.

В акте грехопадения мир (*εἰρήνη*) — этот нормальный богоустановленный порядок мировой жизни — был глубоко поврежден и нарушен. Изменился весь облик космоса. Но с наибольшей силой это повреждение отразилось на самом человеке. Диавол не только вверг человека в мучительное рабство греху, в постыдное служение страстям и похотям (Рим. 1, 25—27), но и всеял в общественную жизнь семена раздоров, вражды, ненависти и братоубийства. Чрез преслушание воли Божией мы стали «отчужденными и врагами, по расположению к злым делам» (Кол. 1, 21) и, естественно, оказались «лишенными славы Божией» (Рим. 3, 23), т. е. неспособными участвовать в делах Божиих, строить Его Царство.

Однако, как говорит св. Иоанн Златоуст, «не Бог враждует против нас, но мы»

против Него. Бог никогда не враждует» (На 2-е послание к Коринфянам беседа 11-я). И потому любовь Божия изыскала пути для восстановления мира (εἰρήνη), обновления человеческой природы и для возвращения человеку утраченной способности быть участником в созидаании славы Божией. Это восстановление не означает простое возвращение в первичное состояние. Истинная жизнь есть динамический процесс, и потому устранение пагубных последствий грехопадения означает восстановление возможности беспренятственного восхождения от славы к славе.

Человечество, как единая семья Божия, призванная к участию в славе Божией, нуждается в созидаании троякого рода мира. Ему нужен, прежде всего, нерушимый мир с Богом, как фундаментальное основание всякой мирной духовно-плодотворной жизни. Именно в нем может человек обрести все потребное для гармонического развития своих сил и способностей, для целеустремленного преобразования физического мира, для устроения общественных отношений на началах любви, братства и справедливости. Инициатива примирения принадлежит Богу, готовому благотворить даже неблагодарным и злым (Лк. 6, 35). Крест Христов открыл возможность всеобщего миротворения (Кол. 1, 20) и примирения с Богом смертью Сына Его (Рим. 5, 10).

Однако полный мир с Богом может наступить лишь там, где прекращается наша вражда против Бога, где примиряющая любовь Божия находит себе отклик в деятельной ответной любви человека к Богу. Иными словами, мир с Богом требует, во-первых, мира человека со своей совестью и, во-вторых, мира человека с другими людьми — близкими и дальними (Еф. 2, 17). Отсутствие мира в совести человека и в области его отношений к другим людям является тягчайшим лишением для человечества, причиняет ему неисчислимые страдания, уводит его в сторону от путей славы Божией. Христово Евангелие Царства Божия (Мр. 1, 14) всех людей призывает на пути мира. Науча сстяжанию мира с Богом и с другими людьми, оно тем самым приближает человека и все человечество к нормальному богоустановленному порядку жизни — к порядку постепенного гармонического развития отдельной личности и человеческого общества, к порядку последовательного свободного и разумного осуществления людьми высших целей человеческой истории и мироздания в целом.

* * *

Воссоздание мира («космос») началось непостижимым восприятием человеческой природы — кроме греха — в единство Ипостаси Бога Слова. Пройдя через горнило подвигов и страданий, эта безгрешная природа достигла состояния славы, т. е. отражения в себе совершенств Божиих в наивысшей возможной степени.

Все это произошло «нас ради человек, и нашего ради спасения». Следовательно, начатое в Личности Богочеловека должно было продолжиться и распространиться во всем человечестве, во всех людях благоволения. «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1, 4).

Двумя потоками распространяется этот свет истинной жизни. «Благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа», — говорит св. евангелист. Как невозможно в едином потоке «белого» света изолировать его компоненты, соответствующие спектральным цветам, так невозможно провести и резкую непроходимую грань между компонентами истинной жизни — между «благодатью» и «истиной». Истина Христова всегда облагодатствованна, и благодать Святого Духа всегда утверждает истину. Но различать эти стороны жизни, данной во Христе, конечно, не только возможно, но и необходимо.

Кроме способа, которым от Христа, как от «Начальника жизни нашей», распространяется свет боговещения и освящения, Откровение указывает нам и на два состояния воссоздаваемого мира: начальное и конечное. Начальное — в прославленном безгрешном человеческом естестве Христа Спасителя. Конечное — в совокупности всех потомков Второго Адама — в тех, кого Апостол называет «Христовыми» (οἱ τοῦ χριστοῦ), — в том Царстве, которое «Первенец Христос» предаст исконда Богу и Отцу (1 Кор. 15, 22—24).

По интенсивности прославления наивысшим и ни с чем несравнимым состоянием является начальное состояние, т. е. прославленная человеческая природа во Христе. Ни один последующий момент процесса созидания Царства Божия не может быть поставлен на один уровень с его началом. Любая степень «обожения» человеческой природы всегда будет иметь совершенство и святость человеческой природы Христа своим идеальным, но недостижимым пределом. И, несмотря на это, наивысшая полнота славы Божией в истории пересоздания мира будет достигнута лишь в самом конце этого процесса, когда «будет Бог во всем» (1 Кор. 15, 28).

* * *

Нечто подобное Боговоплощению происходит в жизни и деятельности Церкви Христовой. Если безгрешная человеческая природа была воспринята Сыном Божиим в единство Его богочеловеческой Личности, то и омраченная последствиями грехопадения и нуждающаяся в врачевании наша природа также воспринимается в единство богочеловеческого организма, именуемого Церковью. В этом таинственном теле Христовом, возглавляемом Им Самим и одушевляемым Духом Святым, даровано нам

все, потребное для жизни и благочестия (2 Петр. 1, 3). Здесь, «взирая на славу Господню», славу, открывающуюся и в Евангельском благовестии и во всем облике Церкви, когорвию, влюбив, Христос представил Себе испорочной Невестой (Еф. 5, 27), мы и сами «преображаемся в тот же образ от славы в славу» (2 Кор. 3, 18).

Цель Церкви — та же, что и у ее Божественного Основателя и Главы. Она состоит в открытии нам доступа к Отцу, в полном примирении нас с Богом во Христе (Еф. 2, 13—14, 18), которое совершается через благодатно обильное и нравственное совершенствование, несомнимое как для деятельного последования Христу в земных условиях, так и для неразрывно с ним связанного спасения и вступления в вечную жизнь.

Через благовестие слова Божия, через таинства и другие священнодействия, через обогащение многовековым духовным опытом, через живое молитвенное общение с «торжествующим собором праведников, достигших совершенства» (Евр. 12, 23), Церковь делает нас причастниками благодати и истины. Здесь у источников воды живой (Откр. 21, 6) и у святейшей трапезы Господней (1 Кор. 10, 21) душа христианина обретает успокоение в Боге (Пс. 61, 2) и восстановление своих духовных сил. Здесь объятый пламенем милующей и спасающей любви Божией начинает христианин «духом пламенеть» и решает беззаветно «служить Господу» (Рим. 12, 11).

Как Христос пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф. 20, 28), так и Церковь Христова, движимая любовью, не ищет своего (1 Кор. 13, 5) и не замыкается в себе, но в лице своих чад совершает в мире начатое Христом деятельное служение, направленное к созиданию Царства Божия — Царства справедливости, мира и радости во Святом Духе (Рим. 14, 17), которое, начинаясь в сердце человека (Лк. 17, 21), должно неприметным образом распространяться (ст. 20), чтобы объять собой всю область земных отношений и условий земного существования людей.

* * *

Спаситель и Бог наш «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4). Поэтому Евангелие Христово всем указывает на Церковь с ее благодатными средствами как на единственный путь ко спасению, и Господь всегда готов «прилагать спасаемых к Церкви» (Деян. 2, 47). Но из этой несомненной истины веры нельзя делать поспешных умозаключений. Средневековые мечты о всемирной теократии, по-видимому, так же далеки от истины, как и ригористические утверждения о неизбежной гибели всякого, кто не войдет в ограду Церкви во время прохождения земного поприща. «Мои мысли — не ваши мысли, — говорит Господь. — Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55, 8—9). Кто может указать точную границу благодатной сферы действия Церкви Христовой? Кто решится отрицать просвещающее влияние Истины и животворящее действие благодати Божией среди тех, кто еще не родился от воды и Духа, быть может, исключительно в силу обстоятельств своей жизни и воспитания? Кто, наконец, дерзнет положить предел милосердию Божию, которое и на смертном одре может коснуться человеческого сердца, зазвучать его Божественной любовью, в одно мгновение придать глубокий смысл всей его предшествовавшей жизни и сказать ему святые слова: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю!» (Лк. 23, 43).

Не поэтому ли Апостол внушает нам особую осмотрительность в наших суждениях о «внешних», которых может судить лишь один Бог (1 Кор. 5, 13)? И не в этом ли именно случае приобретает всю свою силу его предупреждение: «Кто ты, осуждающий чужого раба? — Пред своим Господом стоит он или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его» (Рим. 14, 4). Это отнюдь не значит, что ставится под сомнение единоспасающая роль Церкви или слова Господа о невозможности войти в Царство Небесное, пренебрегая вратами крещения. Это значит лишь, что не осуждение, а любовь и милосердие должны наполнять наши сердца при мысли о тех наших братьях, которые не имели счастья «назвать Иисуса Господом» (1 Кор. 12, 3), хотя, быть может, уже давно, сами не зная этого, служат Ему.

Церковь Божия представляет собой ближайший и ценнейший плод воссоздающей мир Божественной деятельности. Именно здесь совершается то, ради чего Единородный Сын Божий воплотился и стал совершенным Человеком т. е. благодатное обильное и постепенное обожение человека, становление его богоподобным «сорботником» Божиим. Но область Царства Божия шире, чем область собственно церковной жизни с ее преимущественным откровением «тайн Царства Небесного» (Мф. 13, 11). Царство Божие обнимает собой всю сферу истины и добра во всех ее разнообразных проявлениях в жизни человечества. За пределами Церкви также происходит постоянное обильное и постепенное обожение мира, осуществляемое синергистическим действием Божественной благодати и человеческой свободы. Процесс этот имеет преимущественно этический характер и имеет основание, главным образом, в том факте, что и после грехопадения в человеческой природе сохранились многие черты нетленного образа Божия и осталось врожденное стремление к совершенствованию. Но не подлежит сомнению и то, что в единой человеческой семье, где все теснейшим образом связаны умственными и нравственными влияниями, благодать и истина, принесенные в мир Воплотившимся Господом, достигают каждого человека, хотя и не в той форме, как это имеет место

во внутренней жизни Церкви. Явление Христа на земле, Его жизнь, учение, страдания и смерть, воскресение и последующие события прославления, послужившие основанием для жизни и деятельности Христовой Церкви,— все это даже просто как изумительный исторический факт, ставший достоянием всечеловеческого естественного предания о Христе, предания, отразившегося почти на всех сторонах мировой культуры, не могло не сыграть роль своего рода «естественного евангелия», располагающего к восприимчивости Евангелия, вверенного Церкви.

Обновление мира, составляющее самую суть истории, ее основную цель и смысл, происходило, конечно, и во времена Ветхого Завета — как при тусклом свете естественного откровения, доступного всем (Рим. 1, 19—20), так и под воздействием слова Божия, которое, будучи вверено избранному народу (Рим. 3, 2), было отчасти доступно и язычникам, благодаря общению между Израилем и другими народами. Но когда «пришла полнота времен, и Бог послал Сына Своего, Который родился от Жены» (Гал. 4, 4), то процесс обновления мира получил импульс необыкновенной силы, поскольку в Лице Богочеловека, а затем и во многих истинных Его последователях, человечество увидело сияющий образ высшего нравственного совершенства. И хотя, в силу ряда причин, светлый Лик Христов нередко заслонялся и затемнялся неприглядными явлениями неискреннего и лицемерного восприятия христианского учения и — что еще печальнее — фактами прямого злоупотребления христианством, тем не менее всюду, даже там, где, по-видимому, отрицают Христа, как Творца и Создателя мира, сказывается могучее влияние Его Личности, Его учения и примера. Свободная воля человека, озаряемая лучами Солнца Правды и согреваемая невидимыми потоками Божественной любви, стремится к устройению мира на новых началах — на началах истинной гуманности, справедливости, глубокой приверженности к миру.

* * *

Средоточием внутренней жизни Церкви является богослужение. Но радость внутренней жизни, состоящей в теснейшем общении с Богом, дается Церкви ради подвига ее внешней жизни в мире, ради ее повседневного свидетельства и служения. Эсхагологизм, столь характерный для православного богослужения, есть не бегство из мира, а проникновение в тайны «ума Христова» (1 Кор. 2, 16), в планы и намерения Того, Кто творит все новое (Откр. 21, 5), проникновение, совершаемое для того, чтобы найти свое место и призвание в мире, стать соработниками у Бога.

Побудительной причиной православного богослужения является живое ощущение и ясное сознание нашего блаженного назначения быть свободно-разумными органами славы Божией и определяемого этим назначением радостного долга «прославлять Бога в телах наших и в душах наших» (1 Кор. 6, 20).

В богослужении доминируют два чувства: радость о Боге, Спасителе нашем (Лк. 1, 47), и печаль ради Бога, производящая неизменное покаяние ко спасению (2 Кор. 7, 10). Первое утверждается на убеждении в верности Божией (Евр. 10, 23), второе — на признании неверности нашей. От этих двух доминирующих чувств происходят две основные формы молитвенного обращения к Богу. Радость рождает благодарение (*εὐχαριστία*), печаль производит моление о помощи и утешении (*παράκλησις*). Многовековой литургической опыт Церкви гармонично сочетал эти мотивы, обеспечив максимальный религиозно-психологический эффект в душе молящихся. Здесь не умалено покаянное настроение, ищущее возобновленного примирения с Богом, хотя, конечно, по внутренней силе и жизнеутверждающей энергии преобладающим является настроение радости в полном соответствии со словами Господа: «И возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16, 22).

Сердцем православного богослужения служит священнодействие Евхаристии с ее двусидной природой таинства и жертвы. По православному пониманию, Евхаристия всегда есть действие всей Церкви, а не только данного молитвенного собрания. И это ее значение не утрачивается даже в том — правда, редком и нехарактерном — случае, когда в храме нет причастников или даже молящихся и когда поэтому сами священнослужители оказываются представителями всей Церкви.

И таинство Евхаристии и евхаристическая Жертва совершаются по силе реального присутствия Господа Иисуса Христа не только по Его Божеству, но и по телесной прославленной человеческой природе. Евхаристическая Жертва, отнюдь не повторяющая и не заменяющая собой события Голгофы, но актуализирующая вечное ходатайственное жертвопредложение, совершаемое Христом, как Вечным Архиереем и Главой Церкви (Евр. 9, 12, 24), есть в сущности не только «жертва хваления», но и богодаровавшая «милость мира», т. е. спасительное средство привлекать мир Божий и Божие благоволение на наиболее нуждающихся членов Церкви и вообще Царства Божия. Православное сознание никогда не смущалось вопросом об уместности и целесообразности такого рода ходатайственных действий при отсутствии явного выражения свободной воли тех, за кого приносится Церковью ходатайство или ходатайственная Жертва. Православная Церковь руководствовалась и руководствуется исконным преданием, отвечающим глубокой потребности души, которое побуждает ее молиться и совершать евхаристическую Жертву за всех нуждающихся в нашей любви и сострадании.

Издревле с евхаристической Жертвой соединены молитвы за усопших в предположении, что они скончались в вере и покаянном настроении души. В чине литургии св. Василия Великого содержится прошение о том, чтобы Господь «расточения собрал, прельщения обратил и совокупил святых (Своей) соборной и апостольстей Церкви». В литургии «Апостольских Постановлений» предписывается молиться за «внешних и заблудших, чтобы Господь обратил их» (8, 10). Нет сомнения в том, что и в данном случае Церковь предполагает у этой категории людей не сознательную вражду против Бога и Церкви, а немощь души, нуждающуюся в Божественном врачевании. О всех, за кого принесена бескровная евхаристическая Жертва, Церковь молится словами священника: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде, Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих».

Таинство Причащения есть самое действенное средство личного общения с Богом любви и мира и в то же время актуализация Церкви, как Тела Христова, единого потому, что «все причащаемся от одного Хлеба» (1 Кор. 10, 17). Непосредственный опыт каждого, кто с должным расположением души приступал к этому источнику бессмертия, с несомненностью убеждает нас в том, что причащение Святых Христовых Таин водворяет в нашей душе мир Божий, который превышает всякого ума (Флп. 4, 7). Однако ни в чине литургии, ни в благодарственных молитвах по святом Причащении, ни в святоотеческих изъяснениях литургии мы не встречаем прямого утверждения, что таинство Причащения есть средство примирения с Богом. Этот факт очень значителен и характерен для Православия!

Чтобы достойно приступить к Причащению, мы должны уже заранее сделать все, от нас зависящее, для того, чтобы сердце наше не осуждало нас (1 Ин. 3, 20), ибо, в противном случае, мы станем виновными против Тела и Крови Господней (1 Кор. 11, 27). Именно поэтому в Православной Церкви твердо держится обычай испытания своей совести перед тем, как приступить к причащению, и совершается таинство Покаяния, т. е. примирения совести с Богом и Церковью. Что же касается собственно таинства Причащения, то оно рассматривается как Святые Дары милости Божией, воспринимаемые нами недостойно, и о которых нужно еще молить Господа, чтобы они были для нас «во исцеление души и тела... в мир душевных сил, в веру непостыдну, в любовь нелицемерну... в соблюдение заповедей» (из молитв по св. Причащению). По мысли составителей чина литургии, причащение есть неисчерпаемый источник примирения с Богом, к которому мы, однако, лишь как бы слегка прикасаемся, в силу нашей неподготовленности, и действие которого может дать ощутимый результат, т. е. прочный и нерушимый мир с Богом, лишь впоследствии, в меру затраченных нами усилий, идущих навстречу освящающей нас благодати.

Православное богослужение, следуя примеру Древней Церкви, придает чрезвычайно важное значение и слову Божию, которое сосредоточено преимущественно в Священном Писании. Церковь с благоговением внимает слову примирения, т. е. евангельской проповеди, сущность которой заключается в том, что «Бог во Христе примирил с Собою мир... и увещевает, чтобы мы примирились с Богом» (2 Кор. 5, 19—20), примирились путем обновления нашей внутренней жизни (Кол. 3, 9—10) и стяжания мира со всеми (Кол. 3, 15). Церковь заботливо наставляет своих чад в основных истинах христианского учения о мире: в том, что Бог не есть Бог неустройства, но мира (1 Кор. 14, 33), что Господь наш Иисус Христос оставил апостолам и всем Своим последователям мир Свой (Ин. 14, 27), как благодатное завещание и Божественный дар, что христиане, призванные подражать своему Господу в любви (Ин. 15, 12) друг ко другу и ко всем (1 Фес. 3, 12), обязаны ревновать о всеобщем мире — Божественном и человеческом, т. е. искать путей к нему (Рим. 14, 19), благоветствовать о нем (Мф. 10, 12) и всячески насаждать и хранить его (Мр. 9, 50; 1 Кор. 7, 15). Замечательно, что, не отождествляя благодати и истины, Церковь тот и другой дар, происшедший чрез Иисуса Христа (Ин. 1, 17), т. е. слово и таинство, считает как бы равночестными. Это очень характерно выражено в одной из молитв ко св. Причащению: «Божественных причащаясь и Боготворящих благодатей (т. е. Тела и Крови Христовых), не убо есмь един, но с Тобою, Христе мой, Светом трисолнечным, просвещающим мир... К Тебе приступих, якоже зриши, со слезами и душею сокрушенною... да пребудешь... со мною... да не кроме обрет мя Твоя благодати, прелестник восхитит мя лживне и, прельстив, отведет Боготворящих Твоих словеса...» (Молитва: «От скверных устен...»).

В храме, где, как правило, происходит православное богослужение, верующий должен обрести и успокоение в Боге (Пс. 61, 2) и восстановление сил, необходимых для стяжания мира со своею совестью и для осуществления во всей своей жизни и деятельности подвига истинного миротворчества. Только таким образом достигается основная цель Церкви — сделать своих членов достойными служителями славы Божией, деятельными строителями Царства Христова.

В храме молящийся чувствует себя пред лицом Божиим и как бы на месте постоянно совершающегося, силой благодати Святого Духа, преобразования человеческой природы. Здесь он живет всей полнотой своего существа, дышит полной грудью атмосферой благодатного присутствия Божия, получает удовлетворение всех высших потребностей своей духовно-телесной природы. Хорошо выразил этот опытный факт церковной жизни один из участников VII Вселенского Собора. «Святая кафедральная Церковь, — говорит он, — различными и разнообразными путями привлекает

родившихся в ней к покаянию и умению соблюдать заповеди Божии: она все наши чувства стремится направить к прославлению владычествующего над всеми Бога, и стремится сделать это при посредстве как слуха, так и зрения. И потому все, что совершено для нашего спасения, представляется взорам приходящих... Когда все у нас пред глазами, то сердце людей, боящихся Господа, радуется, лицо сияет, душа из состояния уныния переходит в состояние благодущия... Через это мы постоянно памятуем о Боге. Чтение иногда и перестает звучать в храмах, а живописные изображения и вечером и утром и в полдень постоянно повествуют и проповедают нам об истинных событиях... Все, что учреждается в воспоминание о Боге, благоприятно Ему. Все, получившие сыноположение в католической Церкви, суть участники этого предания» (Деяния Вселенских Соборов, т. 7, с. 575—577).

С той же целью — направить все наши чувства к прославлению Бога — Церковь пользуется и изображениями прославленных святых: «Дети украшенной невесты Христовой, католической Церкви... смотря на честную икону Христа, а также на иконы Владычницы нашей Святой Богородицы, равно и святых ангелов и всех святых, освящаются и устремляют ум свой к воспоминанию их, сердцем веруют во Единого Бога, — во оправдание свое, и устами исповедуют Его — во спасение свое. Подобным же образом, слушая Евангелие, они и чувство слуха исполняют святости и благодати, и сердцем усвоят написанное» (Деяния..., т. 7, с. 468—469).

В понятие «всего, совершенного для нашего спасения», Православная Церковь включает и наглядные доказательства действительности спасающей и обновляющей мир любви Божией, которая, овладев сердцами многих людей, соделала их «святыми», «друзьями Божиими» (Ис. 15, 14), отдавшими себя всецело на служение этой торжествующей славе Божией и, по представлению своему, не порывающими уз любви и братства с членами земной Церкви.

Мне хочется попутно обратить внимание на один штрих, подчеркнутый в обоих приведенных мной выше местах из известного «Ороса», читанного на заседаниях VII Вселенского Собора в противовес постановлениям иконоборческого собора 754 года. Участие в предании, состоящем в употреблении священных изображений, ставится в прямую связь с нашим «сыноположением» (*υἱοθεσία*), т. е. усыновлением Богу и Церкви Христовой, как бы в напоминание апостольских слов, что мы «не приняли духа рабства, чтобы вновь страшиться (*πάλιν εἰς φόβον*), но приняли Духа усыновления» (Рим. 8, 15). Это-то усыновление и дает уверенность, что непосредственность религиозного чувства, обращенного к первообразам чрез их священные изображения, никогда не послужит к предосудительному в очах Божиих нарушению второй заповеди Десятословия, и что даже случайные отклонения от нормы, могущие происходить от простого неумения провести безупречно точную границу между *λατρεία* и *προσκύνησις*, не будут судимы Богом, милосердым Отцом нашим, со всей строгостью, которая была бы неизбежна во дни Ветхого Завета.

* * *

Славословие имени Божия и преподавание мира — два характернейшие элемента православного богослужения. Уже одно это указывает на теснейшую связь между доксологией, как учением о славе Божией, и «ириническим богословием», т. е. учением о мире. И истинное прославление Бога, как основное призвание, и служение примирения, как основное средство для выполнения этого призвания, всегда были законом жизни и деятельности Церкви, составляли основание ее спасающей миссии в мире. Но решительные изменения в мире и необычайно возросшая ответственность христиан за дело мира на земле ставят и перед богословием настоящего времени серьезную задачу: отразить этот закон жизни и деятельности Церкви в мышлении ее чад, призванных к созданию Царствия Божия в условиях современности.

Проф. д-р Л. ГОППЕЛЬТ (Гамбург)

ПРИМИРЕНИЕ ЧЕРЕЗ ХРИСТА ПО НОВОМУ ЗАВЕТУ

Благовестие о примирении мира через Христа воспринимается в настоящее время двояко. Как центральная тема Евангелия и как ведущая тема западной догматики оно фигурирует в диалоге, проводимом между разделенными Церквями, ибо ничто не может больше послужить их сближению, как обоюдные усилия, направленные на то, что составляет сердцевину всего Евангелия. Одновременно эта тема затрагивает ту задачу христиан всего мира, в разрешении которой они оказались вместе, а именно — их общую ответственность за мир между народами. Для того, чтобы прояснить эту, отягченную многими недоразумениями ответственность, необходимо заново исследовать, что именно понимает Новый Завет под примирением через Христа.

Прежде чем мы обратим к Новому Завету этот вопрос, нам нужно объяснить немецкое понятие «*Versöhnung*» (примирение). Это слово в современном разговорном языке имеет другое значение, чем в лютеровском переводе Библии и в нашей догматике. В догматике, начиная с XIX века, под темой «примирение» понимается прежде